

ПОДЛОСТЬ ПЛЮС

Алексей Батраков

Алексей Батраков

Подлость плюс

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Батраков А.

Подлость плюс / А. Батраков — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Уважаемый читатель! Автор сборника рассказов и повестей "Подлость плюс" начинал работать ещё в Советской милиции, а заканчивал в другой стране и при другом строе. Всё, что поведано в этой книге, имеет реальную основу. А основными героями здесь выступают милицейские следователи и начальники, участковые и оперативники, которые в подлое такое время не ходили под бандитами и не плясали под их дудку. Именно эти люди, на мой субъективный взгляд, не допустили массовой резни в России. А спасти её от разграбления - были просто не в состоянии. И ещё один момент, уважаемый читатель. При отсутствии чувства юмора за книгу эту лучше не беритесь.

© Батраков А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

От автора	5
Раздел 1	6
Подлость	6
Сделка	9
Эхо гражданской войны	12
Побег	14
Отпусти	18
Великий криминальный беспредел	20
Произвол	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

От автора

Её автор пришел в милицию в 84-м году прошлого века с тяжёлыми мыслями о том, что до пенсии не дослужит, что с преступностью в стране к тому времени будет покончено. За семнадцать лет работы он не единожды был проклят некоторыми из обвиняемых, его два раза пытались загубить некоторые из уголовников, и два раза – затолкать в тюрьму некоторые из прокуратуры.

Мои рассказы и повести – не шедевр мировой литературы, но поведаны, думаю, интересно, особенно для людей, не лишённых чувства юмора. Всё же, списаны они с натуры и не являются плодом модных сейчас фантазий на милицейско-полицейскую и прокурорскую темы. Хотя, определённый элемент – присутствует. Надеюсь, уважаемый читатель, книга Вам понравится.

Раздел 1 Рассказы

Подлость

История эта имела место в начале девяностых годов прошлого века. Великая битва за бабло тогда в стране лишь начиналась. Деньгократия и бандитское движение только-только набирали обороты, но развивались до неприличия стремительно. Злые языки говаривали, что воров развелось столько, что их численность превысила численность голов так называемых КРС. Для несведущих поясню, что КРС – это крупнорогатый скот, а если не замудряться – обыкновенные быки и коровы, из которых говядина получается.

В считанные по пальцам одной руки годы времена для бурёнок пришли чёрные. Попали они под срочное накопление первоначальных капиталов, под массовое, то есть, вырезание. А для губивших скотину субъектов, естественно, времена пришли очень даже неплохие, золотые, можно сказать, времена. В прямом и переносном смыслах этого слова.

Причину резкого перехода от граждан великой некогда державы к вышеуказанным домашним животным Вы, уважаемый читатель, поймёте, если хватит терпения прочитать мой опус полностью.

Два соседа из одной деревни, Семён Разуваев и Антон Мозов, много лет отработали учителями в местной школе. Один был физик и математик, второй историю с географией преподавал. Строили и укрепляли вместе со всеми социализм. Даже развитым его сделали. Будущий коммунизм представляли плохо, хотя достаточно были наслышаны. Всё, вроде, шло своим чередом. И... не заметили даже сначала, что общество-то (московское, конечно, в основном) тихой сапой строить коммунизм передумало и к капитализму дореволюционному решило вернуться. Тут и выяснилось, что оказались наши педагоги, мягко говоря, не очень-то для жизни такой и приспособленными. Для шагающей по бывшим советским городам и весям базарной, или словами другими, рыночной экономики оказались они, мягко говоря, не готовы. Честный труд на благо общества оказался не в почёте, а самое хреновое, мало и редко оплачивался. А жить как-то надо, социализм ли на дворе старый, или капитализм новый-старый...

Основная часть сельских мужиков, оказавшись вовсе и не нужной нарождающейся формации, дружно выразила свой протест. Протестовала жёстко и в едином порыве – систематическим употреблением национального напитка с незатейливым названием «самогон». Малая же часть, более продвинутая /раньше таких ещё проворными называли/, а потому и прогрессивная при новом-то строе, по примеру торгашей столичных быстро смекнула, что тут и к чему. Развернулась она круто и окунулась с головой в неизведанную тогда ещё сферу под мудрёными названиями коммерция и бизнес, с бандитизмом, естественно, вперемежку. Кому-то повезло больше, кому – меньше, некоторым вообще не повезло.

Злые языки из пресловутой той основной части называли сферу эту присвоением общественного добра, а также – спекуляцией и ещё словом каким-то заумным. «Эксплуатация», по моему, слово это мудрёное, если память не подводит. Неблагодарной, короче, оказалась основная часть сельских мужиков, как, впрочем, и остального не продвинутого народа. И свободу им подарили, и демократию. И ваучеры раздали. Господами все стали! Ну что ещё нужно?... А они помирать взялись. Да скоро так! Мрут и мрут, как мухи. Да ещё и размножаться перестали. Не хотим, заявляют, нищету плодить беспросветную. Отговорки, естественно, сплошные.

Что-то я отвлёкся, похоже, от существа повествования...

В общем и целом, герои наши, по фамилии и имени вышеупомянутые, извините за резкое выражение, мутными какими-то были. С одной стороны, спиваться они, видите ли, не хотели. С другой стороны, хапать и сограждан своих дурить, не могли. Они, учителя-то, сами так выражались. Мужики из «основной части», в принципе, то же самое говорили, только по наматерному, нецензурно, то есть, значит, не совсем культурно.

Таким образом, сами видите, уважаемый читатель, никчемными эти люди оказались, педагоги одним словом.

Тут ещё и Новый год на смену старому надвигается. Подарки принято дарить и жёнам, и детям. Основная вышеназванная часть сельского мужского населения вопросом этим давно уже не заморачивалась. Малая же часть, кого не подстрелили, первоначальный капитал сколотить уже успела и даже – раскрутить немножко. На подарки близким-то своим, как-нибудь, но выкроит. А что вот делать таким, как эти самые Семён и Антон, ни рыба, ни мясо которые?...

Но отступать перед трудностями дальше было некуда, да и в глаза детям смотреть стало стыдно. Потому и решили они добиться всё ж на праздник и рыбы, и мяса, и подарков для родных и близких. При этом, Разуваев и Мозов велосипед изобретать не стали, в сельской местности – бесполезное это занятие. Просто-напросто совместили они оба направления движения к лучшей жизни. Первое – основной неprovорной части сельских мужиков, и второе – малой, но provорной. Соответственно, выпить было решено сначала и для храбрости, как все уже догадались, самогона. Во-вторых, договорено было увести с фермы одну коровку /вышеуказанный КРС/, продать скотину эту и разрешить тем самым новогодние проблемы. Зарплаты пятый месяц нет – рассуждали учителя, ещё по трезвому, когда будет, вообще неизвестно. К тому же скот этот, бывший общественный, городские парни с короткими причёсками моментом оприходовали. Ежедневно по несколько голов вывозят, явно не голодающим Поволжья.

Выпив по стакашке первачка, прихватив с собой ещё бутылочку и луковку на закуску, верёвку также, двинулись Семён и Антон глубокой ночью по скрипучему снегу морозному. К бывшей ферме колхозной направились, вернее к собственности уже частной.

Как назло, сторож в ту ночь вредный очень попался. Второй час уж пошёл, а он всё бодрствует. Спать ложиться, похоже, вообще не собирается. А что ему спешить. Сидит себе в коровнике на топчане. Тепло, светло, не то, что скотокрадам нашим новоявленным. Под окном они, в снегу и на морозе двадцать градусов по Цельсию. Первое время, правда, самогончика спасала, а потом-то ещё хуже стало, холодней ещё. И в бутылке-то пусто стало, не бежать же за другой через всё село. Нет-то нет, утомонился сторож. Уснул, слава Богу.

Отодрали Разуваев и Мозов плёнку полиэтиленовую с окна крайнего, в помещение проникли. Зацепили одну их коровок с противоположного от сторожа края фермы, открыли изнутри ворота и увели бурёнку на верёвке, как и задумано было. Через деревню, понятное дело, идти с ворованным не с руки. В поле снегу по... пояс. Самое оптимальное, коровку вдоль шоссейки провести. И снегу меньше и следы затеряются. Продумано, короче, всё до мелочей.

Вот только бурёнка с их планом не знакомилась и не утверждала, а когда до дороги дошли, вообще несогласие выражать стала. Сначала мычать взялась, как оглашенная. Потом – взбрыкивать, как рысак орловский, хорошо мужики её спереди за верёвку тянули. А надо сказать, уважаемый читатель, сложением оба были далеко не богатырским. К тому же градусы самогонные свою пагубную роль сыграли, развезло учителей основательно. Пить-то надо умеючи, это вам не детишек грамоте учить...

Корова этим всем и воспользовалась. Рванула, что есть мочи, свалила Семёна и Антона с ног и потащила их по снежному насту по кювету вдоль большака. Они ж верёвку-то из рук не выпускали. Не для того же под окном коровника мёрзли битых два часа. Выходило по сути дела, что ролями они поменялись, и ситуацию под контролем уже бурёнка держала.

Так вот, скотина эта безмозглая, недолго думая, повернула на шоссейку, вытащив похитителей чуть не под колёса «УАЗика», на котором участковый двигался. Он из соседнего села

возвращался. На семейный скандал выезжал, кухонного боксёра умирал. А тут смотрит в свете фар, корова бежит с верёвкой к рогам привязанной, и два мужика на пузах волочатся, за верёвку эту держатся.

Не часто в жизни такое наблюдать приходится. И милиционер-то опешил сначала. Но, как профессионал, смекнул вскоре, что не пастись бурёнку-то вывели, по сугробам глубоким и среди ночи глухой...

Короче, обнажил ствол табельного пистолета капитан милиции, да и задержал всех троих. Корова только сопротивлялась, да и то недолго. А когда признал в преступных элементах педагогов местных, ещё раз опешил, можно сказать, шок испытал. Расхитители капиталистического имущества ему, по-пьяни, жаловаться стали. На жизнь свою беспрочно безденежную. От крайней необходимости, лопочут, пошли на такое. Бессовестные, короче, люди. На самое святое эти негодяи позарились, на собственность частную...

И участковый бесчестно поступил. Вопреки всем интересам службы государственной. Бурёнке пинка дал в направлении фермы родной, а ворюг вообще отпустил на все четыре стороны. Приказал, при этом, чтоб не болтали лишнего. Такую вот подлость проявили педагоги эти и ещё – участковый...

Сделка

В понедельник на утренней планерке зам. по следствию Виктор Николаевич Осипов был угрюм и раздражителен. Только что имел место не совсем приятный разговор у начальника райотдела по поводу следователя Сорокиной, дежурившей в воскресенье...

– В чем проблема, Наталья Сергеевна? – начальник следствия перевел взгляд на сдававшую дежурство Сорокину.

– В смысле? – приготовилась к активной обороне Наталья Сергеевна, известная своим строптивым нравом.

– В прямом смысле! – начал постепенно свирепеть Осипов – Ты почему вчера Шульгина не закрыла?! Почему он дома, а не в камере?! Какие проблемы, чёрт бы вас всех подрал...

– Нет проблем – Сорокина сначала было стушевалась, но тут же взяла себя в руки – Не считаю нужным... Шульгину двадцать ещё не исполнилось, не судим и роль его второстепенная. Ножом-то угрожал второй... неизвестный...

– Вот именно, что неизвестный! – взбеленился, как и ожидалось, Виктор Николаевич – Они разбой совершили! Раз-бо-ой, а не флягу с фермы упёрли... Или тебе это до лампочки, чёрт бы вас всех подрал... Ты почему мне не позвонила, не посоветовалась? По всякой хреновине звоните, а когда надо... – Осипов закурил и тут же продолжил – Ты мне скажи, как демократ демократу, ты по кой хрен отпускаешь человека, когда его подельник не установлен и в бегах? Как это понимать, чёрт бы вас всех подрал...

– Ну, мы ж работали с ним, вместе с опером дежурным – Наташа вся напряглась, отставивая свою правоту. Собралась свою мысль развивать далее, но не успела...

– С каким, к чёрту, опером! – начальник следствия перешёл на откровенный крик – Да опер этот твой неделю как в розыске работает, чёрт бы вас всех подрал! Колольщики хреновы... Это, Сорокина, раньше вредительством называлось. Будем ещё разбираться с тобой. А сейчас домой ты не идёшь, дежурство я не принимаю, пока твой друг Шульгин в камере не будет, где ему и положено находиться, чёрт бы вас всех подрал...

После обеда дверь широко распахнулась и в кабинет Осипова плавно прошествовал адвокат Павел Андреевич Никольский, бывший институтский однокашник.

– Какими судьбами в нашу глушь? – завёл разговор первым начальник следствия, как только поздоровались.

– Мамаша парня одного обратилась. Он влетел тут в вашем районе. Грабёж, насколько я понял – широко улыбаясь, объяснял Никольский причину своего появления старому знакомому – А час назад позвонила, сказала, что сынулю её следователь вызывает. Вот я и подъехал. Когда б ещё свиделись – продолжал радоваться встрече Никольский.

– Так ты Шульгина защищаешь? – Виктор Николаевич закурил – Пусть сухари сушит. Разбой у него.

– Да ладно уж, сразу сухари – всё также улыбаясь, закачал головой адвокат – Молодёнький ещё мальчишка то...

– Молодой, да ранний – начальник следствия сделал непроницаемое лицо – По студенческому общежитию шакалил, с первокурсников деньги вышибал. Пусть посидит, может поумнеет.

– Так вы его закрывать хотите? – как можно осторожнее поинтересовался адвокат.

– А что ещё с ним ещё делать – продолжал гнуть своё Осипов – Разбой, всё-таки, сам понимаешь.

– Да ладно, Николаич – упорно продолжая улыбаться, постарался свести всё к шутке Никольский – тебе бы только в тюрьму человека затолкать. Никуда он не денется до суда. Родители – приличные люди... Да и, насколько я знаю, Шульгин-то в этом деле не основной...

– А кто основной? – как то сразу оживился начальник следствия.

– Говорит, что не знает этого парня, вчера только случайно познакомились...

– Вообще так, Паша – перебил приятеля «Николаич» – если хочешь, чтоб клиент твой домой сейчас пошёл, коли его на подельника. Не колонёшь, извини. Даже в знак нашей старой дружбы помочь ничем не смогу.

– Попробую объяснить – призадумался адвокат – Но тогда подписка-то – однозначно?

– Я что, на болтуна похож? Дома будет твой клиент.

– Хорошо – Никольский опять призадумался – Но мой клиент здесь не при чём. Вы сами того нашли!

– Как хотите...

Адвокат, поразмышляв ещё с минуту, вышел из кабинета. Вернулся минут через двадцать. Положил перед приятелем листок – Вот, фамилия, имя, адрес подельника.

– Так-так – сдержанно обрадовался главный районный следователь. Тут же позвонил начальнику розыска – Пусть твои возьмут данные и едут за человеком по вчерашнему разбою.

– Ну, мы договорились? Это только между нами? – отсел подальше от Осипова адвокат.

– Естественно – начальник следствия только успел закурить, как в кабинет вместо ожидаемых оперативников стремительно прошагала Сорокина. Не удостоив взглядом адвоката, сразу доложила – Шульгин подъехал с мамашей и защитником. Я, как велели вы, оформила задержание, допрашивать буду и готовить на арест.

– Не спеши, Наталья Сергеевна – поперхнулся и закашлялся начальник следствия – Обстоятельства изменились. Розыск вычислил второго, сейчас на задержание поедут. Закрывать Шульгина уже не следует, отпала необходимость...

– Я так не считаю – следователь посмотрела на Никольского, и тот вжался спиной в стену. – Буду арестовывать обоих...

– Делай, что тебе говорят! – У Осипова задрожало правое колено – Потом это дело обсудим...

– И нечего тут обсуждать! – голос Наташи задрожал от возмущения – Я знаю прекрасно, что адвокат этот – мотнула головой в сторону остановившего дыхание Павла Андреевича – ваш друг. Потому и передумали Шульгина арестовывать. Зато утром кричали – перевела дух – А я, между прочим, процессуально самостоятельное лицо, и я сама буду решать...

– Слушай ты!.. Лицо... – вскочил со стула и заорал начальник – Ты почему себя так ведёшь! Салага! Характер свой дома будешь показывать, мужу своему будущему. Выполняй, что сказано – Виктор Николаевич вновь присел на стул – и давай друг другу трепать нервы не будем...

Наталья Сергеевна молча удалилась.

– С характером следачка – зацокал языком адвокат – крутая...

– Ладно, иди допрашивайся – махнул рукой Виктор Николаевич – потом заглянешь, вмажем со встречей.

Через час дверь кабинета приоткрылась, и показалось перепуганное лицо Никольского – Николаич, она его в камеру повела... Ты начальник или где?

Осипов грязно выругался и через дежурного вызвал следователя – Дело – мне на стол! Я от следствия тебя отстраняю...

– А я, Виктор Николаевич, а я... Я на вас рапорт в Управление напишу! Сегодня же! Я эту вашу с адвокатом сделку покрывать не буду!

– Пиши-пиши, грамотей. Дело сначала только принеси! Черт бы вас всех подрал...

Через шесть лет после проводов Осипова на заслуженный отдых его место заняла, как Вы, уважаемый читатель, наверное догадались, Наталья Сергеевна.

Эхо гражданской войны

1993 год. Воскресный день для середины мая в Среднем Поволжье выдался на редкость тёплым. Маленький приволжский городок утопал в дружном яблочном цвету...

Ответственный дежурный по местному отделению милиции Андрей Михайлович Абрамов до обеда откровенно бездельничал. С утра только проверил дежурный наряд, «суточников». Слава Богу, все на месте и все трезвые. Да ещё начальнику домой позвонил, обстановку доложил. Затем улёгся в кабинете на диван и задремал, изнурённый вчерашней поездкой с друзьями на природу.

А диван этот в кабинете уголовного розыска стоял уже много-много лет. Его происхождение никто из нынешних милиционеров и не помнил. Год назад в отделении проездом был генерал один из Москвы. Он в далёкой своей молодости начинал опером в нашем городке. Диван увидел, глаза вытаращил. Батюшки, говорит, родные, сохранился ещё. Чуть не проследился генерал. Эх сколько девчат, говорит, на нём перелюблено было в те времена прекрасные. Начальник наш, как всегда, решил прогнуться. Так и так, говорит, товарищ генерал, давайте мы Вам диван-то отправим контейнером в Москву. Память всё ж такая... Генерал это предложение не принял. Настоящим оказался, не блатным. Отставить, говорит, майор. Парням твоим он понужнее будет. Так и остался антиквариат в кабинете оперативников ещё неизвестно на сколько лет. Кожаный, старинной работы, сносу ему нет. Сто лет ещё прослужит. Упругий, удобный. Знали, всё-таки, своё дело мастера-мебельщики старинные. Потому и не мудрено, что задремал сладко на диване этом ответственный дежурный Абрамов. Благо – ни происшествий, ни звонков тревожных в дежурную часть. Чуть обед не проспал.

Завёл Андрей Михайлович служебный свой «УАЗик» и домой отъехал. Только ложку с супом ко рту поднёс, телефон зазвонил. Так и есть – помощник дежурного, весь разволнованный – Михалыч! – орёт – Тут мужик один мину откопал на огороде. Чё делать-то будем?

– Чё делать, чё делать – передразнил машинально помощника – вешаться в посадке! Милиционера выставь охранять. Сейчас подъеду – Аппетит у Андрея Михайловича как-то незаметно пропал. Черпнул он ещё пару раз ложкой по тарелке и в отделение поехал.

– Вон там я эту хреновину откопал! – почему-то и с виноватым видом оправдывался хозяин огорода, указав на примыкавший к площади участка наполовину вскопанный косогор оврага – При коммунистах никогда там не вскапывал. А как ворьё это заявилось с алкашом своим долбаным, как зарплату давать перестали, так и приходится перекапывать всё под картошку. Куда деваться. Жрать-то надо чё-то...

Хоть и проходил Абрамов срочную службу в автобате, но сразу смекнул, что не мина это, а снаряд артиллерийский. Оставил его под охраной милиционера, строго настрого приказал никого к снаряду не подпускать. Вернувшись в отделение, первым делом на помощника наорал – Хоть бы раз информацию верно приняли! Не мина это вовсе, а снаряд! – затем в УВД областное стал названивать. До ответственного добрался. На радость Абрамова ответственным по области оказался полковник Геннадий Петрович Сосновский, зам генерала по оперативной работе. Геннадия Петровича во всех райотделах области личный состав уважал. Уважал потому, что Сосновский, будучи на редкость умным человеком, уважительно очень относился к милицеейским работягам. А Абрамова лично знал по раскрытию одного из нашумевших в прошлом году убийств. Потому и обрадовался так Андрей Михайлович, что на своего напал. Доложив суть происшествия, совета попросил, помощи. Никогда такого в практике не было. Сосновский велел снаряд охранять и ждать, когда сапёров привезёт.

Ждать пришлось около пяти часов. Наконец в дежурке раздался долгожданный звонок Сосновского – Андрей, мы выезжаем. В отдел заезжать не будем, встретишь нас на въезде.

Когда приехали, Абрамов понял, почему областной начальник не пожелал заехать в отделение. Оба приехавших с ним сапёра были изрядно выпимши. Но поразило капитана милиции Абрамова то, что сапёры были аж в звании полковников. Перехватив его взгляд, Сосновский тихо, чтобы не услышали военные, стал оправдываться – А что сделаешь, Андрей, выходной сегодня. Этих-то кое-как на даче отыскал. Отдыхали люди. Еле уговорил...

Глаза Абрамова приняли нахальное выражение – Я не про то, Геннадий Петрович... Я всё же рассчитывал, Вы маршалов привезёте...

По прибытии на место происшествия, выяснилось, что снаряд уже находится запертым в сарае. Его туда милиционер перенёс. Он ждать устал. Сам был недалеко, на кухне с хозяйкой чаем потчевался. При трёх полковниках Андрей Михайлович высказал милиционеру только часть того, что о нём думает, остальную, большую часть – как-то даже постеснялся.

– Не кипятись, капитан, – стал успокаивать один из сапёров. Взял покрытый ржавчиной снаряд под мышку – Нет тут ничего страшного. Веди в овраг какой-нибудь. Взрывать будем. Снаряд взорвали в глухом овраге сразу за чертою города. Когда всё было закончено, Абрамов, стоя на краю ещё дымящейся воронки, вдруг спохватился, обращаясь к военным – А как снаряд-то в наших краях оказался?

– Эх гражданской войны, сынок... – взгляд одного из сапёров принял мрачное выражение. Неожиданно он грязно выругался и круто повернул разговор на нынешнее время – Такую страну прощёлкали, идиоты. Отцы-то наши Союз от фашистов спасли, а мы – шпане какой-то сдали...

Побег

Уже за полночь Лёва Гловов вышел на край леса. Совсем рядом через картофельное поле виднелись редкие огоньки небольшого села. Кувшиновка, должно быть, подумал Лёва и, стараясь попадать между борозд, направился на свет огней. Почти шестнадцать часов осужденный за разбой Гловов находился в побеге из колонии строгого режима. И срок то у Лёвы заканчивался через полгода каких-то. Но так уж вышло, что пришлось вот срочно скрываться. Ноги уже подрагивали от усталости, поясницу ломило, а проклятое поле никак не кончалось. Перекурив, Гловов усилием воли поднялся с земли и путь свой продолжил.

А вот и окраина села. Выбравшись на травку, прилёг у покосившегося забора. Отдышался, выкурил ещё сигарету, пытаясь заглушить никотином всё нарастающее чувство голода. Нарастало и чувство тревоги. Вдруг сбился с намеченного маршрута и не Кувшиновка это вовсе. И не попадёт он в избу к матери знакомого своего Вениамина, а останется ночевать под открытым небом. Голодный и холодный. Осмотревшись, Гловов понемногу успокоился. Кувшиновка это, слава Богу. Вот и две параллельные улицы, а вон – одна в стороне, наискосок за овражком. Всё сходится. Шесть долгих лет не был здесь Лёва. И вот ведь, надо ж, привела судьба. И Вениамин уже сгинул в мир иной. В аду, наверное парится. Сколько ведь натворил, пока на этом свете был. Пятьдесят лет почти, пока весной на «больничке зоновской» от туберкулёза не загнулся. Ну да ладно, Бог с ним, с Вениамином-то. Лишь бы бабушка Паша жива была и узнала его, Лёву Гловова. Столько лет прошло, как навещал он с Вениамином Пелагею Ивановну...

С такими мыслями направлялся Гловов позади и вдоль огородов к дому так ему нужному. Благо зрительная память была неплохая, и через шесть лет помнил он избу эту. Да и Вениамин-то на «зоне», пока живой был, частенько про дом свой отчий вспоминал. Сокрушался всё, врал наверное, что крышу не успел покрасить. Собирался-собирался, да и подсел за продмаг в соседнем селе... Гловов, нагостившись, тогда уже в городе был. Вскоре тоже влетел. В колонии и свиделись снова...

Так, вот башня водонапорная, вот прогон для скота, а вот и изба бабы Паши. При свете, звёзд, густо усыпавших ночное августовское небо, дом Пелагеи Ивановны был различим довольно отчётливо. Он. Сомнений не осталось. Вот и баня с наличником на окошке резным, вот рядом и яблоня старая, громадная. Всё совпадает. Света в окнах конечно не было. Господи, лишь бы собаки не было. Нет, похоже не завела...

Гловов пробрался к выходящему во двор окну задней комнаты. В этой самой комнате, насколько он помнил, на кровати рядом с русской печкой и спала хозяйка. Гловов тихо-тихо постучал в стекло. Потом – ещё. Неожиданно скоро в комнате вспыхнул свет. Машинально отпрянув от окна, Лёва спрятался за стену, наблюдая, кто покажется. Занавеска сдвинулась и показалась, слава Богу, баба Паша! – Кто там? – Голос восьмидесятилетней хозяйки избы почти не был старческим – Кто там в час такой? – вновь почти пропела Пелагея Ивановна, усиленно всматриваясь в окно.

– Лёвушка это, баб Паш – Гловов отделился от стены и вышел на свет – Помнишь, с сыном твоим приезжал в восьмидесятом. Олимпиаду ещё вместе смотрели по телику...

Бабе Паше и вспоминать нужды не было, Очень уж ей тогда слюбился молоденький этот голубоглазый паренёк. За какие-то три недели. Он и воды с колонки нанесёт, и картошку всю выполол, и ломаные штакетины в заборе поменял. А как слушать-то её, пожилого человека, умел внимательно. Олимпиаду по телевизору научил смотреть. Объяснял всё терпеливо, зачем бегут, куда прыгают... Хороший паренёк, ничего не скажешь, душевный такой... Непонятно было, конечно, Пелагее Ивановне, что связывало Лёвушку с сыном её непутным. И разница

в годах такая, и характер совсем другой. От того слова доброго никогда не услышишь. Ну, да ладно, это их дела, мужицкие...

– Батюшки!.. Ты што-ли, Лёвушка!

– Я-я, баб Паш, пускай давай – В приготовленных специально для побега новых спортивном костюме и кедах «бесконвойник» Глотов выглядел вполне прилично. Ни дать, ни взять – только что со стадиона...

Пожарили картошку, уже молодую, огурцов с помидорами нарезали, благо конец августа за окном. Постным маслом полили. Яиц отварили. Баба Паша на этом не успокоилась, такая ж неуёмная осталась. Топор Лёве вручила, привела в курятник. Сняла с наместа одну из сонных кур. Сварили с лапшой.

– У меня, Лёвушка, после смерти Вени, царство ему небесное, никого на этом свете не осталось – искренне радовалась гостю Пелагея Ивановна...

Через два часа за стол сели. Бабушка подпол открывала. Лёва слез. Ё-ё, а там водки-то! Больше ящика. Старинная ещё, по три шестьдесят две и четыре двенадцать. Вениамина помянули. Пелагея Ивановна из рюмочки тоже пригубила. После половины стакана и пережитого за прошедшие сутки Глотова, даже при такой закуске, вскоре повело. Не допив вторые полстакана и не доев вторую куриную ножку, он попросился спать. Заверил бабушку Пашу, что завтра обо всём переговорят и строго наказал никому о его здесь появлении не говорить. Помыкавшись по избе, Глотов забрал матрац с одеялом и спрятался на терраске с глухими оконными занавесями.

Спалось Глотову плохо. Сначала, вроде, забылся, а потом сны тяжёлые пошли. То привидится, что отрядный его будит. Подымайся, кричит, набегался. Хватит, срок себе уж намотал. Очнулся Лёва в страхе. Не понял сразу, что сон это. Только успокоился, «бугор зоновский» приснился. Зря, говорит, ты сбегал, Глотов. Никто тебя грохнуть и не собирался, крыса ты паскудная. Накажут чуть-чуть и все дела. Возвращаясь, говорит, ждут тебя блатные... Только опять забылся Глотов, покойный Вениамин появился. Рот раскрывает, а слов разобрать невозможно. И кулаком всё грозит. Мол встречу я тебя, как явишься в царство мёртвых...

А под утро петухи разорались. До такой степени, что инстинкт самосохранения у Лёвы отступил. Психанул он, плюнул на всю конспирацию и в избу досыпать перебрался. А баба Паша блины уже печёт. Ещё раз наказал хозяйке Глотов, чтобы заперлась и никого в дом не пускала. Сама ко двору, если что, выходила. Проснулся к обеду. Пелагея Ивановна на стол накрыла. Початую ночью бутылку выставила. Настороженная стала, от вчерашних восторгов и следа не осталось. Глотов молча выпил. С бабой Пашей глазами не встречается и думает всё, раньше ни до того было, как объяснить ей визит свой ночной и от людей скрывание. После второго полстакана в голове немного прояснилось и появились мысли кое-какие. Не надо, говорит, баб Паш, чтобы знали обо мне в деревне, а то хулиганье за мной гоняется. А до города тут рукой подать. Узнает, говорит, где нахожусь, не сдобровать мне тогда. Я, баб Паш, поживу у тебя с недельку и съеду.

– А чаво ж они тебя сгубить-то хотят, хулюганы эти? – смягчилась Пелагея Ивановна – А милый?

– Ну...это наши разборки, тебе они не интересны.

На следующий день Глотов, промучившись опять бессонницей, встал также поздно. За столом по насупленным бровям хозяйки и по тяжёлому её молчанию понял: что-то случилось.

– Чего молчишь-то, баб Паш? Что новенького в деревне?

– Чаво-чаво – сходу к теме перешла Пелагея Ивановна – бабы в сельмаге сказывали, участковый приезжал. Говорил, лихой человек один с тюрьмы убёг. Велел сказывать ему, кто

чѐ узнат. Вот и новенько... Не тебя ли, милый, он ищет-то? – Пелагея Ивановна пристально, как это делают пожилые люди, посмотрела на переставшего жевать Глотова.

– Да ты что, баб Паш! – наконец опомнился тот – Ты же меня знаешь... Ну какой из меня тюремщик в самом деле. Может ещё убийца – скажешь... Не то это всё, совпадение...

– Ну-ну, дай Бог – вздохнула Пелагея Ивановна – Дай-то Бог...

Прошло ещё двое суток, за которые Лёва и бабушка Паша эх и наговорились вдоволь. У хозяйки и на душе отлегло, так приятно общаться было с Лёвушкой. Эх и чуткий всё ж он человек! Обо всём расспросит и внимательно всё выслушает. И о здоровье поинтересуется, и о новостях сельских. А как сочувствует! Сын Вениамин никогда так с ней не разговаривал, вообще её жизнью не интересовался. Свою-то жизнь не сумел устроить, сгубил из-за вина проклятого. Ну да ладно, всё равно пусть земля ему будет пухом. Сын всё-таки. А Лёвушка, конечно, совсем другой человек. Глаза-то какие добрые, как девичьи. Не всякая внучка родная так ласкова с бабушкой своей. Нет, не всякая... И ведь не пьющий Лёвушка совсем. Знает, что полон подпол водки, а третий день вторую бутылку допить не может. Взрослый-то мужик! Телевизор смотрит, да газеты всё старые перечитывает. Оставался бы совсем. В совхозе бы работал, по хозяйству помогал. Женился б на местной. Глядишь, и дом бы ему отписала...

На следующий день в магазине узнала Пелагея Ивановна, что у сельсовета фотографию вывесили. Беглеца того, что участковый ищет. Защемило у бабушки Паши что-то в груди, нехорошо стало. Пошла-таки, посмотрела. Домой вернулась, не помня себя. К иконе – сразу. Помолиться сил не хватило. Расплакалась тихо-тихо, по-старушечьи. Лёва телевизор выключил, подошёл. Приобнял её за плечи, расспрашивать стал. Почувал же неладное, понял всё, можно сказать. Выказала она про фотографию увиденную. Страха-то не было, обида только, что обманывал её Лёвушка. Да тот и сам, видно же, еле слёзы сдерживал.

– Ну хватит, баб Паш – голос Лёвушки дрогнул – Не хотел я тебе всё это рассказывать. Что в жизни моей получилось. И не потому, что сдашь ты меня, а потому, что ни за что отсидел я пять лет. Чужую вину на себя взял. Пытали меня менты, вот и не выдержал... Оговорил себя, будто почтальонку с пенсиями ограбил. Сильно били меня в ментовке, что угодно на себя наговоришь. Не дай Бог кому такое испытать. Поверь мне, баб Паш, ты ж меня знаешь...

Ничего не успела ответить Пелагея Ивановна. Встала вдруг с табуретки, а сказать ничего не может, только рукой в окно показывает. Взглянул в окно Глотов и похолодел весь: в палисадник двое входят, в милицейской форме. Посмотрел на бабушку обезумевшими глазами и в подпол кинулся. А Пелагея Ивановна успела ещё лицо ополоснуть под рукомойником.

– Здравствуй бабуля! – громко и зычно начал с порога участковый – Как поживаешь?

– Здравствуйте сынки. Поживаю потихоньку – Пелагея Ивановна старательно отводила взгляд от крышки подпола – Чаво ещё остаётся-то.

– Ясно – участковый заглянул в переднюю комнату – Подворный обход мы, бабуль, делаем. В бане у себя, в сараях давно была?

– С утра была...

– Мы посмотрим?

– Глядите...

– А чего, бабуль, газеты старые-то выгребла? – участковый приостановился на пороге.

– Стены надоть клеить – как-то сразу вырвалось у Пелагеи Ивановны – под шпалеры, чтоб не отходили.

– Ну-ну, если встретишь кого пришлого, подозрительного, сообщи уж как-нибудь...

Когда милиционеры вышли в улицу, Пелагея Ивановна расплакалась уже навзрыд. Не могла никак остановиться. Через двадцать минут вылез Глотов. Обнял бабушку, по волосам гладит, успокаивает. Спасибо, говорит, баб Паш, век не забуду, что ты для меня сделала. Уйду, говорит, я сегодня в ночь, не буду тебя подставлять...

– А может вернуться тебе, Лёвушка, – подала голос Пелагея Ивановна – А потом придёшь и живи у меня сколь хошь и...

– Да ты что, баб Паш! – не дал договорить Готов – Они ж прибьют меня, точно тогда не свидимся. Ты никому про меня не говори. У них ведь и собаки есть, пустят по следу, вмиг отыщут... Ладно?

– Ладно-ладно. И так уж грех на душу, видать, взяла – Пелагея Ивановна встала под образами и принялась креститься – Не знаю даже, отмолю ли...

День этот длился, казалось, бесконечно. Когда совсем стемнело, присели на дорожку. Помолчали, как водится. Затем Готов медленно поднялся с табурета. Закрепил за спиной рюкзак с бережно уложенными бабой Пашей пирогами и прочей снедью – Пошёл я... А ты спать ложись, отдыхай. Намаялась со мной-то...

– Да хранит тебя Господь – Пелагея Ивановна многократно перекрестила Лёвушку. На цыпочки приподнялась, чтобы в лоб поцеловать... Жгучая резкая боль под сердцем отозвалась по всему телу, неожиданно и стремительно.

– Так надо, баб Паш. Кабы не сдала ментам – Готов сбросил на пол окровавленный нож. Оттащил Пелагею Ивановну ближе к вешалке. Быстро набросал на умирающего человека всю висевшую одежду. Газет ещё подкинул. Поджёг. Сухие ткань и бумага занялись сразу. Готов спешно прошёл к комоду. Забрал лежавшие там триста рублей. Двух сотен, что дала при жизни баба Паша, Лёве показалось маловато...

Вскоре дом Пелагеи Ивановны всюду пылал, пробивая страшным заревом ночную мглу по всей округе. Готов к тому времени одолел картофельное поле. Часто-часто, по-звериному как-то, отдышался. Ещё раз оглянулся и кинулся в побег...

Отпусти

За окном в разгаре «бабье лето». Напряжённый рабочий день заканчивался. Следователь уже сложил все рабочие бумаги в сейф, когда в дверь робко постучали.

– Да-да, заходите... – за дверью, видимо, не расслышали, и вновь раздался стук – Да заходите же!

– Можно? – дверь приоткрылась и на пороге появилась женщина, на вид лет сорока пяти. По повязанному на голове платку, простой одежде и натруженным рукам можно было определить, что женщина эта явно сельская и даже не с райцентра. – Можно? – переспросила посетительница, нерешительно остановившись в дверном проёме...

– Заходите – кивнул следователь – присаживайтесь – указал рукой на стул. Женщина осторожно присела. Осмотрелась.

– Слушаю... Я Вас вызывал?

– Нет-нет, не приведи Господь – всплеснула та руками и тут же спохватилась – А это Вы – Игорь Николаич?

– Он самый – кивнул следователь – Вы по какому вопросу? – Женщина тяжело вздохнула, на глазах навернулись слёзы – Мужика мово Вы сегодня посадили...

– Какого мужика? Фролова что-ли?... – следователь принялся объяснять – Я не «сажаю», «сажает» суд. А я задержал вашего Фролова на сорок восемь часов по подозрению в совершении кражи. В пятницу повезу его к прокурору и судье. Они и решат, будет ли ваш муж находиться до суда в следственном изоляторе или – дома под подпиской...

– Не вези-и-и его к пракару... Христа ради-и – женщина совсем расплакалась, часто-часто промокая носовым платком глаза – Не воз-и-и, будь так мил – совсем разрыдалась, вздрагивая всем телом.

– Да Вы что – подрастерялся следователь – Вы ж не на похоронах, разве можно так убиваться. Успокойтесь! – Женщина, казалось, ничего уже не слышала, и вот-вот начнёт голосить и причитать. Игорь Петрович налил из графина в стакан воду и протянул рыдающей. Та благодарно кивнула, сделала пару глотков и почти успокоилась, но тут же вновь расплакалась.

– Как ваши имя-отчество? – следователю всё это стало поднадоедать.

– Нина я – продолжала всхлипывать посетительница – Васильевна. Отпусти-и, Христом Богом прошу-у... У меня сынок такой же, как Вы-ы... В армии служит, вернётся весной...

– Ну подождите, Нина Васильевна – следователь поднялся со стула и стал рассказывать по кабинету – Вы же взрослый человек и должны понимать... Вы же сами знаете, что супруг ваш уже три судимости имеет, что всю деревню вашу он уже обворовал... что спиртным злоупотребляет. Ну как я его такого могу отпустить?

– Да с соседями-то я рассчитаюсь – начала успокаиваться, наконец, женщина – Не смогу я без него, никак не смогу...

– А какая от него польза?! – начал злиться следователь – Какая от него польза? Вам, семье, обществу? Нигде не работает, пьёт, ворует... Зачем он такой нужен? Я что-то Вас не понимаю...

– Ну для обчества теперича ни от кого пользы нету. А так Вы правду говорите – Нина Васильевна согласно закивала головой – ворует, пьёт, спасу нету. Пускай, конечно, сажают... Не впервой... А щас отпусти его ради Бога, свечку за тебя, сынок, в церкви поставлю. Отпусти, хотя бы на недельку – женщина вновь расплакалась – Ведь, почитай, тридцать пять соток у меня. Не выкопаю я одна, никак не выкопаю. А нанять-то не на что... зарплату-то деньгами нам, дояркам, почитай четвёртый год уж не дают, с девяносто первого... Да и доить-то скоро будет некого, стадо всё под нож пускают, христапрадавцы...

– Так он Вам нужен, чтоб картошку выкопать? – дошло, наконец, до следователя – Ну и ну...

– И я про то – Нина Васильевна с надеждой в глазах посмотрела на следователя – пускай картошку выкопат, а там и забирайте его, и сажайте сразу. Ведь своей скотиной только и живём, а пропадёт картошка, и я ведь пропаду...

– Ничем помочь не могу...

– А Вам картошки не нужно? – не потеряла надежды посетительница.

– Нет-нет, не нужно – откестился сразу Игорь Николаевич – ничего мне не нужно, и помочь я Вам в этом вопросе не смогу. Выходите из положения как-то по-другому...

– А молока, яичек?...

– Я же сказал, прекратите эти разговоры – следователь продолжал ходить от двери к окну и обратно – И давайте заканчивать. Ничем помочь не смогу! – Женщина устало поднялась со стула и молча направилась к выходу. В дверях приостановилась – Ну отпусти...

Великий криминальный беспредел

Во втором часу ночи в квартире начальника Зарубинского РОВД Сергея Андреевича Извекова противно и истошно заверещал телефон.

– Во гады! Не дадут до пенсии доработать! – бранясь и чертыхаясь, Извеков перелез через лежащую с краю жену и снял трубку. Так и есть, на другом конце провода послышался разволнованный голос дежурного помощника.

– Сергей Андреевич! Вас срочно вызывает Краснов.

– Какой Краснов? – не понял спросонья начальник милиции, но вскоре дошло – Глава района что ли?... Зачем я ему нужен в такое-то время?

– Не знаю... Он не в администрацию, он Вас домой к себе вызывает – извиняющимся тоном уточнил дежурный – Сказал, чтобы срочно подъехали. Я за Вами дежурку выслал...

Что ещё могло стрястись? – ломал голову Извеков, трясясь в дежурном «УАЗике»-«буханке» по дороге в близлежащее от райцентра село, где и проживал самый главный районный начальник – бывший председатель местного сельхозкооператива. Сам Сергей Иванович районной милицией руководил уже восьмой год, с 90-го года ещё. Воспитан он был порядком советским, потому со всеми местными хозяйственниками всегда держал дистанцию. И с нынешним районным главой отношения имел только официальные, семьями-то они точно не дружили.

Проехав кое как убранные поля, заброшенные и полуразрушенные фермы, прибыли, наконец, в село. В доме Краснова светились все окна. Находились напрочь расстроенные и растерянные хозяин с супругой, два председателя соседних сельхозкооперативов – близкие их друзья, а также, очень уж задумчивый, незнакомый парень. Глава района вышел с Извековым во двор, где и ввёл в курс дела.

Оказывается, дочь Краснова, которая семнадцать с половиной лет назад была названа Екатериной, не на шутку сдружилась с одним местным жителем. А тот, мало того, что был простым шофером, так ещё на девять лет её старше. Родители влюблённой, понятное дело, были не в восторге от такого выбора. Это – мягко сказано... Вопрос встал настолько остро, что девушка просто-напросто утром тайком собрала свои вещи и из дома пропала. Оставила записку, что уезжает и выходит замуж. Родители, стараясь не поднимать лишнего шума по селу, принялись за поиски. Однако, смогли отыскать только жениха. Безрезультатно обыскали всё его домохозяйство, после чего доставили «виновника торжества» к себе домой. Долгие и упорные убеждения и увещевания результатов, к сожалению, не принесли. Вадим, так звали избранника их дочери, в свою очередь убеждал супругов Красновых, что он любит Катю, а она – его, и что, однозначно, наперекор всем препятствиям, они поженятся. При этом, он напрочь отказывался назвать место нахождения своей любимой...

– Сергей Андреич – нервно прошагиваясь по двору в кромешной ноябрьской темноте, перешёл почти на шёпот районный глава – Возьми этого ушлёпка, поговори с ним по-милицейски... Я потому тебя и вызвал, чтоб и в милиции никто не знал, чтоб огласки не было. Ну ты меня понял?

– Понять-то я понял – призадумался начальник РОВД – но, честно говоря, такого в практике у меня ещё не было...

– Ну реши с ним, я тебя прошу.

– Постараюсь...

Вадим выглядел гораздо моложе своих двадцати шести лет. Среднего роста, худощавый, он больше походил на паренька. Извеков засел с ним на самом заднем сиденье дежурной «буханки», подальше от водителя. Потом, когда надоело говорить в полголоса, выпроводил

милиционера на улицу. Собеседник явно к откровенному разговору с милицейским начальником не располагал. Весь напрягся, отвечал вяло, неохотно и не впопад. Психологический контакт явно не налаживался. Опытный и умудрённый жизнью Извеков вскоре понял, что душеспасительными беседами положительного результата он однозначно не достигнет, дочь районного главы этим путём явно не отыщет...

– А холодновато что-то становится... – закуривая очередную сигарету, плавно протянул, можно сказать, пропел начальник милиции – Минус два где-то, подмораживает. А кстати, Вадик, ты в курсе, что восемьдесят процентов погибших от переохлаждения замерзают именно при такой температуре... Да-да, при сильном морозе погибают намного меньше, а ноль-минус 2–3 – очень коварная температура. Человек-то холода особо и не чувствует, расслабляется, засыпает, а наутро – труп...

– Да ладно!.. – как – то сразу весь съёжился и нервно заёрзал жених.

– Да-да, без балды... – обрадовался про себя Сергей Андреевич, что попал в «десятку» – Так что думай, голова, а то поздно будет. Будет вам тогда любовь до гроба...

– Ну хватит!.. Каркать... – голос Вадика заметно стал подрагивать – Ладно... Отпустите меня, через полчаса приведу её... К родителям приведу... Я не обм...

– Ща-ас! Уже отпустил! Я ж к тебе таким доверием проникся... – взялся ехидничать милицейский начальник – Нет, милый, за девочкой этой поедем мы вместе. И чем скорей, тем лучше!..

– Всё-всё, поехали...

Вскоре прибыли на окраину села. Вадим провёл задами на один из огородов. Слава Богу, грязь на дорогах и тропинках подморозило и идти было вполне сносно.

Как и предполагал Извеков, девушка находилась в бане. Сидит-горюет себе на лавочке в темноте, одна-одинёшенька.

– Ты бы, дочка, хоть бы свечку зажгла! – светил зажигалкой и не скрывал своей радости Сергей Андреевич.

«Дочка» никаким ответом его не удостоила, к возлюбленному кинулась. Обнимаются, целуются, шепчутся о чём-то...

– Ну хорош, молодёжь! – надоело дожидаться начальнику РОВД – Руку дай сюда – обратился уже конкретно к Екатерине.

– Да какое вы имеете право! – заартачилась та – Я что вам преступница! Я что...

Не вступая в дебаты, Извеков резко и крепко ухватил своей ладонью девушку за руку повыше кисти и вывел наружу. Там главная дочка Зарубинского района опомнилась, явно хотела повыступить. Но не стала, умная, всё же, девушка оказалась. Молчком села в машину. По дороге завезли Вадика к его дому... Теперь началась и не собиралась прекращаться сцена расставания влюблённых. Сергей Андреевич вновь устал ожидать и почти насильно вытолкал жениха из «УАЗика». Остальной путь до дома своего Катя не проронила ни слова.

Краснов вышел к калитке палисадника. Обнял дочку, но тут же взял себя в руки – Иди в дом, там поговорим! – взялся жать и трясти руку Извекову – Спасибо Андреич! Спасибо большое...

– Какое спасибо, вы смотрите, что она творит!..

А «творила» девушка следующее. Не доходя до крыльца родного дома, резко свернула влево. Перепрыгнула через полуметровый заборчик в палисадник к соседям и скрылась в темноте. Двое взрослых мужиков, двое очень ответственных районных начальников со всех ног кинулись в тот палисадник. Но было уже поздно. Ночная мгла растворила в себе искомого человека. А пока сбегали за фонариком, побег уже состоялся.

– Ладно, придёт... никуда не денется – устало махнул рукой отец – Давай, Сергей Андреич, до завтра...

И вот уже милицейский «УАЗик» направляется в родной райцентр. От той эйфории в связи с блестяще проведённой операцией у Извекова не осталось и следа. Остались чувства досады и неудовлетворённости результатами работы... Короче, возвращался начальник милиции домой в настроении куда ниже среднего. За грустными мыслями этими и не заметил, как подъехали к Зарубину. Очнулся, когда крайний дом проезжали – Пашки Феклистова, с которым в школе вместе учились, в одном классе. Тот отличником всю жизнь был. И школу с золотой медалью закончил, и институт – с красным дипломом. Сейчас-то он не Пашка конечно, Павел Иванович. Директором школы работает. Вот ведь – и отличник, и директор, а забор себе нормальный справить не может...

Извеков вспомнил недавнюю встречу выпускников. Тридцатилетие отмечали, как десятилетку закончили. Вспомнил, как пьяненький Пашка, нет, Павел Иванович конечно, на перекуре в школьном дворе с жаром убеждал его: «Попомни мои слова, Серёга! Через сто лет назовут историки наше поколение поколением лохов, великую державу прошляпивших! А время наше – великим криминальным беспределом! Вот увидишь...» Вспомнил, как отшутился тогда: «Увижу-увижу, через сто лет особенно...»

За мыслями этими и не заметил Сергей Андреевич, как его к дому подвёзли. Пожимая руку милиционеру-водителю, глухо произнёс: «Ты, Саш, ничего не видел и не слышал. Ты меня понял?»

– Понял-понял, товарищ подполковник... – не на шутку испугался тот.

– Проболтаешься, уволю сразу! – закончил прощание начальник и усталой походкой направился к дому.

Краснов позвонил в половине десятого утра. Голосом измученного в усмерть человека сообщил: «Так и не пришла ведь... А этот гадёныш на работу вышел, мы его в гараже выпарили. Опять, падла, клянётся, что не знает, где Катя. Приезжай давай, я не знаю, что делать...

Оставив водителя в отделе, Извеков поехал один. Прибыв к Главе домой, застал почти аналогичную ночной картину. Только Вадим вёл себя уже уверенно, из чего старый милиционер сделал вывод, что на этот раз он просто так не расколется.

– Давай, милый, отъедем, побеседуем... – вдвоём они уехали на окраину села, остановились в прогоне для скота. Вышли из машины, присели на брёвнышке. Не ошибся Сергей Андреевич, не собирался совсем этот парень идти навстречу. Ни родителям Кати, ни ему...

– Я ещё раз говорю! – даже распаляться стал – Не знаю я, куда она уехала! Ну что вы ко мне все пристаёте. Она взрослый человек, сама вправе решать, как ей жить. Я её из дома не похищал! Так что ко мне больше не приста...

Удар в солнечное сплетение был короток и резок. Не ожидал Вадим такого от немолодого уже милиционера, офицера старшего. Свалился с бревна, долго корчился в удушье.

– Извини сынок – Извеков прикурил сигарету – человек больно важный пропал. И знать мне надо, где он находится сейчас. А помочь можешь ты только. И такое поведение тебе с рук не сойдёт. Ты думаешь, мне больше заняться нечем, как с тобой тут валандаться. Ты так думаешь?

– Нет... – откашлялся наконец Вадим – Не так...

– Ну так ты сейчас скажешь, где Катерина, или тебя в отдел забрать!?

– Сейчас...

Где-то через час начальник РОВД и Вадим по убитой лесной дороге добрались до глухого железнодорожного полустанка-хутора, состоящего из трёх домов.

– Во-он дом моей бабушки – провожатый указал на одну из избушек – Там она... Я с вами не пойду...

Извеков чуть не ползком, задержание-то какое ответственное, пробрался через огороды во двор дома, проник в сени и резко распахнул входную дверь. Слава Всевышнему, на месте оказалась девушка! На кровати посиживала, журнал пролистывала, да в окно поглядывала. Хорошо, что милиционер опытный изначально конспирацию соблюдал и не попёрся крыльцом парадным. Сникла как-то Катя, неповиновения вообще не оказывала. А может в глубине души и обрадовалась, что нашла её милиция, забрала из глуши этой жуткой. Точно не могу сказать, но факт тот, что покорно села она к Извекову в машину и на жениха не ругалась, за предательство вторичное. Так вот, в сплошном молчании и доехали до катиного дома. В этот раз Сергей Андреевич оказался намного умнее. Крепко ухватив девушку за руку, сам провёл и через палисадник, и через сени. В кухню завёл, где и сдал родителям счастливым. Удовлетворение почувствовал огромное от работы своей такой классной, гордость за себя – профессионала с большой буквы! Скромно вышел во двор и уехать хотел незаметно. Не успел...

Следом за ним поспешал уже благодарный отец. Но, увидев у крыльца парня дочери своей, проскочил мимо Извекова, и, не сказав ни слова, сходу кулаком Вадиму – в челюсть, затем ногой – в живот. Молодой человек, при этом, повёл себя как-то странно. Не защищался, не убегал, а только тихо охал и зажимался руками. Началось форменное избиение...

– Ну хватит! – спохватился, наконец, начальник милиции и оттащил Краснова от пострадавшего. Успокоив районного главу, выгнал из палисадника и дальше молодого человека, сел в машину и в отдел к себе поехал. Настроение, как и прошлой ночью, было напрочь испорчено. Мрачные мысли одолели, что он, типа, на стрёме стоял, когда большое начальство произвол чинило.

Когда проезжал у дома директора школы, вспомнился Извекову тот «великий криминальный беспредел»...

Произвол

Не успел Игорь Сергеевич Белов на крыльцо родного РОВД взойти, а его уже встречают. Следователь Юрина навстречу мчится. Разволнованная вся, на нервах...

– Ты где бродишь до сих пор?! Девять часов уже. Сорок минут ждём, выехать не можем! В Салмановке магазин бомбанули. Бери, давай, папку, поехали быстрее! У меня люди после обеда вызваны, дело надо заканчивать. А из-за тебя разгильдяя...

– Слушай, хватит кудахтать! – не остался в долгу перед ровесницей своей тридцатилетний опер. Хотя, надо отдать должное, постарался быть вежливым и сдержанным – С утра достала уже в доску!..

Оксана Петровна Юрина – женщина разведённая, воспитывала одна маленького сынишку. Лицом и фигурой – очень даже не дурна, но характер... Ох и скверный характер имела. Потому и относился плоховато к ней Белов. Последние года три. С того дня, как праздник отмечали – День уголовного розыска. На берег Волги тогда выезжали, на природу. Погода хорошая была, чуть не жара стояла. И это – пятого-то октября. Следачек в качестве почётных гостей приглашали. Молодые, в основном, девчонки. Ну Игорь Сергеевич тогда, понятное дело, выпил неплохо за праздник свой профессиональный. Когда о торжественной части давно позабыли и началась сплошная развлекаловка, приглянулась ему Оксана очень. И сама она, вроде, согласная была. А как до дела, до тела, вернее, дошло в каюте палубного катера, что у спасателей сняли, такой хай подняла, такую бучу... Всю компанию переполошила. Так это – ещё ладно. Она ж до чего додумалась! Взяла и всё беловской жене доложила, да в красках таких... А Игорь Сергеевич и пощупать-то коллегу по работе эту толком не успел, только нанервничался.

Вот с таким подлым человеком и довелось вместе дежурить Белову в пятницу, да ещё и тринадцатого числа...

Вскоре в Салмановку прибыли. Дома все справные стоят. В каждом подворье скотины, птицы немерено. Грузовики, трактора колхозные шныряют, повозки лошадиные. Дышит пока деревня, год-то – девяносто первый только. К сельповскому магазину подъехали, подломанному. Там уж участковый местный находится. На заведующую орёт, что запоры хреновые поставила. Вину свою, за отсутствие работы профилактической, преуменьшить старается, ответственность – на гражданское лицо перевалить.

Куда деваться, к осмотру приступили. А чего там осматривать-то. Ворьё грамотное, премудрое пошло. Перчатки напялит и шурует в них. Зла, короче, не хватает. Наскучило всё это Игорю Сергеевичу, сел он с участковым в машину и по селу поехал. Людей местных проверять, закононепослушных.

В магазин вернулись к обеду. А Юрина там в бешенстве уже. Голосит, матерится даже. Это – на них-то, оперативных работников. Протоколы допросов требует. А какие тут, к чёрту, протоколы, если ничего путного они и не добыли. Да и не местные это сработали, видно же. Водки в меру взяли, ящик всего. Закуску повкуснее выбрали. А главное – кассу распотрошили, сейф пытались вскрыть. За деньгами лезли. Нет, не местные это, городское сволочьё припёрлось. Та же группа, похоже, что за месяц с небольшим и у них в районе, и в соседних с десяток уж магазинов таких повскрывала. Загрустил оперативник, настроение хуже некуда, а ещё клушка эта нервы все поистрепала, с бумажками своими процессуальными. А тут ещё и дежурный по рации надрыдается: «На базу возвращайтесь, на базу! Корову с фермы увели. Работать

тоже надо...» Ну что тут ещё скажешь, тринадцатое число, пятница. Деваться некуда, повезли в отдел «висяк» очередной, беспросветный...

Ближе к вечеру у себя в кабинете Игорь Сергеевич прикимарить собрался, перед дежурством ночным, нелёгким. Да разве дадут тут. Начальник отделения примчался. Глаза круглые, весь взъерошенный. Бери, кричит, двух практикантов и в Салмановку срочно! Там раскрытие намечается, участковый объяснит всё.

Тот и объяснил, когда приехали. Оказывается, часа два назад его местный житель нашёл. Он в лес по грибы ходил и посторонних там приметил, не салмановских. Они на опушке отдыхали, шашлыки жарили, водку сельповскую пили. Машина тут же с ними легковая. Багажник открыт, а из него и ящик с водкой выглядывает, и снедь всякая битком. Козе понятно, что взломщики это магазинные. Участковый – парень смывленный, конечно, но – в кавычках. Вместо того, чтоб в отдел позвонить и группу вызвать, один туда направился. Подкрался, из кустов выбежал с пистолетом наперевес. Кричит: «Всем лежать, руки за голову!» Те, естественно, так и послушались. Как ломанулись в разные стороны... Четверо их было. И водку бросили, и закуску, и машину с документами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.